

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

П. БЕРКОВ

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ЛОМОНОСОВА В «САНКТПЕТЕРБУРГСКИХ ВЕДОМОСТЯХ» 1743 И 1748 ГОДОВ

В академических изданиях сочинений Ломоносова (под ред. М. И. Сухомлинова и в новейшем) под 1748 и 1751 годом помещены три переводные «надписи и иллюминациям» («Явив щастливую премену», «Желая к храму нас блаженства возвести» и «Веселием сердца год новый оживляет»), анонимно опубликованные в «Санктпетербургских ведомостях» в регулярно печатавшихся здесь отчетах о дворцовых празднествах и не включенные поэтом ни в одно прижизненное собрание его произведений. Основанием для признания Ломоносова автором этих стихотворений, и притом бесспорным, является наличие в Архиве Академии наук автографов поэта.

Известно, в каком плохом состоянии дошел до нас личный архив Ломоносова, а также Архив Академии до 1748 года, после пожара 1747 года, уничтожившего большую часть дел Канцелярии.¹ Однако и после 1748 года архивные материалы сохранились далеко не полностью. Так, до нас не дошли «репорты» Ломоносова о его занятиях в 1748 году — сохранились лишь планы и отчеты начиная с 1749 года, но не все произведения, упомянутые в них в качестве выполненных, обнаружены в Архиве Академии наук. Таково, например, «Письмо о сходстве и переменах языков», записи о химических опытах «со вспоможением воздушного насоса», «Проект со стихами для фейерверка к 18 декабря 1756 года» и др.

Поэтому можно считать в самом прямом смысле счастливой случайностью то обстоятельство, что в академическом архиве сохранились автографы трех упомянутых выше переводных стихотворений. Не будь этих рукописей, издатели Ломоносова спокойно прошли бы мимо произведений, опубликованных в «Санктпетербургских ведомостях».

Зная состояние личного архива Ломоносова и архива Академии наук в части, относящейся ко времени поэта, мы вправе предположить, что среди песохранившихся материалов могли быть автографы также и других, до сих пор не выявленных переводов поэта, печатавшихся в «Санктпетербургских ведомостях» до 1748 года. Для подтверждения этого предположения прежде всего необходимо было установить, имеются ли в академической газете какие-либо стихи, помимо учтенных в библиографиях Ломоносова. С этой целью мною были просмотрены комплекты этой газеты за 1742—1748 годы и обнаружены «стихи на иллюминацию» и два двустишия внутри прозаического текста. По моему предположению, переводы эти принадлежат Ломоносову. Никаких документальных подтверждений его авторства найти мне не удалось: стихотворения относятся к периоду, плохо освещаемому архивными материалами.

При отсутствии автографов и отчетов установление автора анонимного произведения представляет значительные трудности, увеличивающиеся в нашем случае еще и вследствие того, что стихотворения, о которых идет речь, малы по размеру и не дают исследователю больших возможностей для стилистико-лингвистического анализа.

Процесс атрибуции в подобных случаях необходимо начинать с установления *возможности* написания данного произведения предполагаемым кандидатом в авторы, т. е. с фактов биографических.

Из письма Ломоносова к Г. Н. Теплову ст 22 апреля 1748 года явствует, что поэту не раз приходилось иметь дело с переводом стихов Штелина. Ломоносов писал: «Хотя должность моя и требует, чтобы по присланному ко мне ордеру

¹ Архив Академии наук СССР. Обзорение архивных материалов. Под общей редакцией Г. А. Князева. Изд. АН СССР, Л., 1933, стр. 13.

сделать стихи с немецкого, однако я того исполнить *теперь* не могу, для того что в немецких виршах нет ни складу, ни ладу».²

Известно, что Ломоносов еще в конце 1741 года перевел оду Штелина на день рождения Елизаветы Петровны, но в напечатанном тексте фамилия переводчика не указана — она определена по сохранившейся рукописи. Впрочем, не нужно быть очень опытным специалистом по вопросам атрибуции, чтобы определить переводчика стихов «Какой утехи общей луч». Ведь в составе академических переводчиков только три лица могли быть кандидатами в авторы перевода данного стихотворения — Ломоносов, Тредиаковский и И.-Г. Остервальд.³ В 1741 году Тредиаковский еще придерживался своей собственной системы в области версификации, свидетельством чему является его ода 1742 года («Устрой молчаща давно лира»); кроме того, индивидуальная манера Тредиаковского как поэта настолько своеобразна, что любое его произведение можно безошибочно признать плодом его творчества.⁴ И.-Г. Остервальд, известный как поэт лишь по одному написанному ямбом восьмистишию, в начале 1741 года перешел в камер-коллегию. Таким образом, уже по методу исключения автором перевода Штелиновой оды должен был быть признан Ломоносов, даже если бы его автограф не сохранился.

Такое же положение было и в 1743 году, к которому относится первое из обнаруженных мною стихотворений: Тредиаковский в это время был ярким приверженцем хореического размера (см. «Три оды парафрастические псалма 143»); Сумароков в Академии не работал и, насколько известно, к переводам не привлекался; кроме Ломоносова, в составе академических переводчиков не было ни одного, владевшего стихом: В. И. Лебедев, имевший дело с переводами немецких «проектов иллюминаций» Штелина, всегда переводил прозой включенные в текст стихи. Следовательно, опять-таки по методу исключения, автором печатаемого ниже перевода должен быть не кто иной, как Ломоносов.

Со стороны стилистической и метрической данное стихотворение не содержит ничего такого, что противоречило бы нашим знаниям о поэтической манере Ломоносова в это время.

1

СТИХИ НА ИЛЛЮМИНАЦИЮ

25 апреля 1743 года

Зри щастие твое, Россия обновленна,
 Главою, кая днесь короной украшенна
 В сей день, в которой та наследство восприяла⁵
 И твой коронный град вторично основала,
 Вторично осветив в отеческом Престоле,
 Взложив⁶ на той венец, во век недвижим боле.
 Взыграло солнце вновь опять своим восходом,
 Огдав твою весну, желанную народом,
 С надеждою ведет твое преславно племя
 Столпов защитный ход в благополучно время.

Эти стихи включены в описание празднования дня рождения Елизаветы Петровны, напечатанное в «Санктпетербургских ведомостях» за 2 мая 1743 года (№ 35, стр. 289—290). Об иллюминации, зажженной вечером того же дня, в отчете сообщено было следующее: «Против дворца на большом театре зажженная иллюминация представляла основанной на каменной горе круглой замок, которого вершины вместе изображали корону. Над короною стояла мачта, а на верьху оныя поднят был штандарт с коронованным вензловым ее императорского величества имянем. Сквозь средние ворота, под которыми находился пьедестал, а на оном императорская корона, показывался в перспективном виде сад, а по обеим оного сторонам в полном своем цвете зеленые алеи, а на концах оных представлено было восходящее солнце. От обеих передних сторон помянутого замка перспект переменился в амфитеатр зеленых стен и посредством навиллиона шел вдоль в крытую галерею, состоящую из столбов. Изъяснение всего сего представления содержится в следующих стихах» (стихи см. выше).

² М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 10, Изд. АН СССР, М.—Л., 1957, стр. 438 (курсив мой, — П. Б.).

³ XVIII век. Сборник статей и материалов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1935, стр. 80.

⁴ Надо было быть Г.-Ф. Миллером, чтобы поддагья мистификации Тредиаковского с анонимной одой «Вешнее тепло» и не признать его авторства.

⁵ В тексте: наследство прияла. Возможно, следует читать не так, как напечатано у меня, а «наследие прияла».

⁶ В тексте: выложив.

В «St.-Petersburgische Zeitung», являвшейся немецкой параллелью-оригиналом соответствующих номеров русского издания академической газеты, находятся стихи следующего содержания:

Schau, Rußland heut unt stets auf dein erneutes Glück,
Auf dein gegründtes Wohl, den Krönungs-Tag zurück,
An dem Elisabeth Ihr hohes Erbtheil fund.
Und deine Kronenburg auf Peters Felsen Grund
Mit neuem Glanz erbaut, und ein Gestell gegründet
Auf dem die Krone sich in sichrer Ruh befindet.
Da drang die Sonn herfür; und Deiner Länder Macht
Fieng an zu grünen in Frühlingsgleicher Pracht.
Nun zeigt die Fernung dir, und deiner Völker Menge
Zur Hoffnung künfftgen Zeit bedeckte Säulen-gänge.

Ломоносов при переводе «надписи» Штелина близко держался подлинника, позволив себе только одно отступление: у него рифма всюду женская, тогда как в оригинале чередуются двуступишия с мужской рифмой и двуступишия с женской.

2

СТИХИ В ДЕПЕШЕ ИЗ ФРАНКФУРТА

«Из Франкфурта от 26 апреля. Из Дица пишут, что при бывшем недавно публичном торжестве дня рождения графа Бирена между прочим видна была картина, которая представляла французских и гишпанских министров, сидящих за столом, наполненным бумагою, над которым написано было „проект“, а министры, испужавшись сверху ударившей на стол громовой стрелы, из рук свои перья пороняли, притом молодой принц Оранской, статгальтерской наследник, в ангельском виде, держа в левой руке померанец да масличную ветвь, правой стирает проекты французские и гишпанские. Над картиною написано было:

Не редко мудрецам чрез хитрые затей
Бывают поперек проведены linee.

Внизу подписано было:

Не перечотши трех Ишпанец погрешает,
Француз без продавца товары оцениет».

Корреспонденция из Франкфурта помещена в «Санктпетербургских ведомостях» за 10 мая 1748 года (№ 38, стр. 301—302). Немецкий текст в соответствующем номере «St.-Petersburgische Zeitung» содержит следующие стихи:

Oft wird dem, der es nicht gedacht:
Durch sein Concept ein Strich gemacht.
Wenn Spanien in Einmahl-Eins sich irrt,
Macht Frankreich oft die Rechnung ohne Wirth.

За несколько дней до помещения в академических газетах корреспонденции из Франкфурта Ломоносову было поручено главное заведование изданием «Санктпетербургских ведомостей». «Инструкция в ведомостную экспедицию» о том, что Ломоносов должен править переводы, выполняемые с немецкого текста Штелина переводчиками В. Лебедевым, Фрейгангом, Барсовым и студентом Тепловым, «и последнюю оных ревизию отправлять», датирована 6 мая 1748 года.⁷ Таким образом, приведенные стихи, по-видимому, первые результаты новой работы Ломоносова в качестве «ответственного редактора» «Санктпетербургских ведомостей».

⁷ Материалы для истории императорской Академии наук, т. 9. СПб., 1897, стр. 196—197.